
ПОЭЗИЯ

Александр Ананичев
(г. Сергиев Посад)

PERSONALIA

Александр Сергеевич Ананичев — поэт, прозаик, автор сорока книг для детей и 7 сборников стихов, кандидат педагогических наук. Член правления Союза писателей России, руководитель писательской организации города Сергиева Посада. Дипломант всероссийского конкурса «Золотое перо России», литературной премии имени С. А. Есенина и международной премии имени В. Крапивина за книгу «Моя Москва. Листая страницы истории» («Росмэн» 2006 г.).

РЫБАКИ

Б. Лукину

Друг ты мой, не шути бесшабашно,
Пряча смех в золотой бороде,
Оттого что ловлю я неважно
Карасей в заплотинной воде.

Рыжий вечер ползет на задворки...
Ты уловом доволен вполне,
А в моем незавидном ведерке —
Тишина серебрится на дне.

Карася, что поймал я случайно,
Лишь звезда расшелушит свечу,
В камышово-зеленую тайну
Из ладоней своих отпущу.

Пусть он к дремлющим братьям вернется,
Про несладкий расскажет полон,
И про дом твой, который на солнце
Сторожит, без ошейника, Джон.

...Ты смеешься опять, греховодник!
А ведь первую песню — ей, ей —
Сочинил невезучий охотник,
Возвратившись с охоты своей.

У огня иль туманной излуки
В тишине загрустил он слегка,
Извлекая волшебные звуки
Из пропахшего дымом рожка...

Вот и я загрустил, но не очень,
И, как сказочный тот дурачок,
Из души изумрудные строчки
Все ловлю и ловлю на крючок.

* * *

Был мне другом, а нынче — не знаю;
Как-то вдруг приосанился весь,
И на доньшке глаз примечаю
Неприметную ранее спесь.

Оттого ли, что зажил счастливо,
Что в газете престижной творишь,
На меня ты глядишь горделиво,
С неохотой со мной говоришь.

Если шуткой обидел пустою,
Или что-то спросил не попад —
Извини, виноват пред тобою...
Милый мой, я кругом виноват!

Мне изменчивой славы не нужно —
Ты газеткой своей не маши! —
Мне бы только по волнам жемчужной
Плыть твоей беспокойной души,

Вспоминать о Варшаве и Ницце,
О стихах говорить до зари
И смотреть, как ласкают ресницы
Разноцветные очи твои.

Нас и так ожидают потери.
Лучше — в золото дружбу облечь!
Легче в Бога однажды поверить,
Чем потом эту веру сберечь.

Я с тобой — и в тайгу, и — в разведку,
И — в озера ловить карасей...
Только ты озорную газетку
С глаз моих убери поскорей.

ДУЭТ

Я ее не просил. Она спела сама
Эту песенку, мной сочиненную.
На эстраду взошла — идохнула зима,
И луна замерла золоченая.

И осыпались первые звуки едва —
Будто травы качнулись тяжелые —
На губах моих оцепенели слова,
Хоть слова были, в общем, веселые.

Звук то плавно и гладко летит, то шурша,
С придыханием, с переливами...
А я вижу — на кончике жала душа
У певуны живет горделивая!

И чем дальше камлание змеилось ее,
От которого пихты сутулятся,
Тем сильнее на галерке рыдало дите
И собаки брехали на улице.

Я никак не пойму — ну, с какого рожна
В ней обиды вскипают полынные!
Рукавом повела — отлетела струна
И друзья разбежались старинные.

Наконец, замолчала. На миг обмерла.
И раскинула руки в улыбочке...
Ох, как дорого мне обошлось «ла-ла-ла»
Этой алчущей славы артисточки!

ЖИВАЯ ВОДА

В половине июньского знойного дня
Ты водой ключевой напоила меня.
И струилась вода на ладони пока,
Я тебя разглядел в глубине родника.

Ты светла и чиста, как младенца слеза;
Встрепенулись, как бабочки крылья, глаза,
И такая под сенью ресниц глубина —
Не найдешь, не качнешь, не нащупаешь дна.

Обжигаемый солнцем дробится поток
О надводные камни, звенящий песок.
Отшумев, растекаются плавно струи,
Из которых уста серебрятся твои.

Чудотворный родник не забыть никогда —
Ледяная, летящая в руки, вода...
Я губами воды прикасаюсь живой —
Мне не нужно другой, мне не нужно другой...

ТРИ ГЕРОЯ

Аркадию Мару

Где льется карпатская песня,
Где пляшут гуцулы гапак,
Три улицы сходятся вместе:
«Петлюра», «Бандера», «Ковпак».

На мазанках треснула глина,
В которых бывали порой
Два верных украинских сына
И дважды советский герой.

Вот я по «Петлюре» гуляю,
Сверну на «Бандеру» потом,
Черешню губами срываю,
Когда прохожу «Ковпаком».

Завод замолчал безнадежно,
Лишь фабрика сушит табак...
Все трое зато незалежны:
Петлюра, Бандера, Ковпак.

Пощупаю бронзу Петлюры,
Бандеры послушаю грусть.
А возле ковпачьей фигуры
Я, кажется, нынче напьюсь!

Приснится мне звездное поле,
А в поле — украинский флаг,
С которым воюют за волю
Петлюра, Бандера, Ковпак.

РУССКАЯ АМЕРИКА

Рыдайте, смешные узбеки,
Свободных напившись ветров,
Что с вами простился навеки
Мой друг — Александр Козлов!

Советская рухнула Троя —
Набросился век-изувер...
Теперь он в Америке строит
Мосты на реке Делавэр.

В Америке Саша — не первый.
Не он сюда тропы торил...
Веселая русская церковь
Стоит у казачьих могил.

Цветет на горе земляника,
Озерное око дрожит.
России ненужный Деникин
Под белым распятым лежит.

В неспешных, скупых разговорах
Мы горького выпьем вина
За тех... за своих! За которых
Отвергла большая страна.

А память и давит, и душит.
Что, Саша, задумался ты?
Никто к Фергане не разрушит
Твои золотые мосты.

ОТВЕТ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ АМЕРИКАНСКОМУ ПОЛИТОЛОГУ

Был президент с утра обычно пьян
И нашей кровью по уши заляпан...
А вы тогда кричали: «Демократ он!»
И улыбались, глядя на экран.

Страна вот-вот рванется на куски.
А вы нам песню пели: «Russia, Russia...»
И к самой шее подобрались нашей,
На югославах пробуя клыки.

Чего ж вы нынче лаετε на нас?
Что вор — в тюрьме, что не горит Кавказ?
Что, наконец, кремлевское оконце
Позолотило царственное солнце...

Дай Бог, от злобы вечной не пропасть
Вам в Бирмингеме, Хайфе, Миннесотте!
Чем нашу власть вы яростней клянете,
Тем, значит, наша праведнее власть.

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

PERSONALIA

Валерий Николаевич Савостьянов родился в селе Сергиевское Киреевского района Тульской области в 1949 году. В 10 лет вместе с родителями переехал в рабочий поселок Криволучье, позднее вошедший в черту г. Тулы. Закончил с медалью 51-ю среднюю школу и Тульский политехнический институт. Работал учеником радио-монтажника на заводе, электрослесарем и проходчиком на шахтах Подмосквья и Донбасса, мастером в ремонтных мастерских, инженером научно-исследовательского сектора, электронщиком, программистом, начальником ЭВМ, заведующим лабораторией в Тульском политехническом институте, заместителем начальника участка по сбыту изделий народных промыслов, предпринимателем.

Стихи пишет с детства. Первая публикация в заводской газете «Металлург» 23 мая 1963 года. Участник 7-го и 8-го Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве в 1979 и 1984 годах (семинары Н. К. Старишинова и Р. И. Рождественского), Дней Маяковского в Кутаиси в 1985 году, а также Совещания, организованного в 2003 году Союзом писателей России и газетой «Московский железнодорожник» (семинар О. Н. Шестинского и Е. А. Антошкина).

Стихи Валерия Савостьянова были опубликованы в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Молодежная эстрада», «Юный натуралист», «Советский шахтер», в газетах «Российский писатель», «Литературная газета», во многих альманахах и коллективных сборниках Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга.

Сегодня Валерий Савостьянов — автор семи поэтических книг, член Союза писателей России, член редсовета сборника Тульской писательской организации «Иван-озеро» и редколлегии газеты «Тульский литератор», один из составителей юбилейных сборников «Великий Май» и «Ветер времени над полем Куликовым», антологий тульской поэзии «Наши современники».

За патриотическую направленность его творчества награжден юбилейными памятными медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля».

СЫН КУЗНЕЦА И МЕДСЕСТРЫ

Прилежней нет в селе чтеца:
Всю ночь порой на кухне.
Сын медсестры и кузнеца
Давно уж не был в кузне.

Уходит в лес он, жжет костры —
И вот уж свищут птицы:
Сын кузнеца и медсестры
Чурается больницы.

«Сынок, пора бы выбирать!
Чем будешь ты кормиться? —
Мальчишку спрашивает мать, —
Не кузня, так больница...»

«Сынок, никак я не пойму, —
Отец пытается парня, —
Что ближе сердцу твоему:
Шприцы иль наковальня?...»

Щепотка соли, пять картох,
Тетрадка в рюкзакишке.
Что выбирать, коль выбрал Бог
И свет Его в мальчишке?..

И смят листок — сто слабых строк
В костре пылают новым.
Зачем пытать? Пытает Бог,
Пытает парня Словом!

Вот он с тетрабочкой худой,
Худой, но увлеченный,
Поет, обедая водой
С картошкой печеной.

А что поет? Стихи поет,
На слух стькуя звуки.
И снова пишет,
Снова рвет
В бреду блаженной муки!

Будь счастлив, парень!
Пой, чудака!..
Но встретится девчонка —
И бросит оземь свой рюкзак
Небритье мужичонка!

И проклянет свой дар,
Свой труд,
Где никакой зарплаты:
Стихи не сеют, мол, не жнут —
И не годятся в сваты!

И вспомнит мамины бинты,
Огонь отцова горна...
А Бог посмотрит с высоты —
И засмеется горько!..

* * *

Приходил я иногда
Батю старого проведать...
Помню: было как всегда —
Помню: сели пообедать,

Выпили по пятьдесят,
Говорили о заводе.
Провожать он вышел в сад.
Было все обычно вроде.

Лишь смотрел он дольше чуть
Вслед — на самую на малость,
Лишь сказал мне: «В добрый путь!» —
Раньше мама так прощалась...

Ангелы так шутят, мстя,
Или инопланетяне? —
Знать бы, что два дня спустя
К ним отправится батяня...

* * *

Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликерец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...

Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утрясь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...

Снится: у рая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.

Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!

— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!..

* * *

На березе у крыльца —
Мол, попробуй-ка, сумей-ка —
Бодрым посвистом отца
Свищет майский соловейка.

А на иве у ручья
Напевает спозаранку,
Будто матушка моя,
Хлопотливая зарянка.

Всполошились воробьи,
Жаворонки запорхали —
Это все друзья мои
С их недолгими стихами.

Вдоль плетня крадется кот...
Хорошо, что не по-птичьи
Хоть любимая поет
И в естественном обличье!

ПЕРВЫЙ ПОСТ

Геннадию Иванову

*Я не могу как следует поститься...
Г. Иванов*

Я не умел как следует поститься —
И все-таки постился я как мог!
Серебряное снилось мне Копытце,
Буренушка, Жар-птица, Горбунок.

Я даже в церкви не был три недели,
Лишь наспех перелистывал Завет.
И снились мне — святыни Иудеи,
Эммаус, Вифлеем и Назарет.

Не знал молитв, не помнил я каноны —
Я пел из полюбившихся стихов.
Но не пиита снилась мне корона,
А мой венец — с шипами из грехов.

В конце Поста, когда смущали яства,
Но до поры ни капельки нельзя,
Приснился Рай: мать говорила «Здравствуй!»,
Любимые встречали и друзья.

«Я выдержу! Изыйди, Искуситель!
Не брошу Крест!..»
И, с облака сойдя,
Приветствовал рукой меня Спаситель
Со шрамом, чуть заметным, от гвоздя...

Великий Пост — ужасный, но прекрасный,—
Великий Праздник воли и весны,
Благодарю за подвиг не напрасный
И разум пробуждающие сны!..

НАШИ МАМЫ

Памяти Николая Дмитриева

Знаю: со стены из черной рамочки
Не дают поэты интервью.
Но ведь верно, Коля: наши мамочки
Сразу познакомились в раю?

И сидят под яблонькой, и,— правда ли? —
(Видел я не раз такое в снах!)
Обе — в строгих платьях, обе — Клавдии,
Говорят о нас, о сыновьях.

Говорят о нас, и мне икается:
Ведь любил я маму впопыхах.
Ах, как тяжело мне, Коля, каяться!
Но ты тоже каялся в стихах.

Да, вина в них — неподъемной гирею,
Да, не сдвинуть крышки гробовой,—
Но я вновь над маминой могилою
Вспомнил их, ни мертвый ни живой.

Так мне легче попросить прощения
За мои, что в двойках, дневники,
Юности дурные увлечения,
Зрелости короткие звонки.

Эти бедки — маленькие козоньки:
Просто рожки пробуют свои.
А как вспомнишь беды — мамы слезыньки,—
Как с цепи сорвутся бугаи!

До сих пор от гнева их ревушего
К маминым коленям припадать!
До сих пор душе, Колумбу сущего,
Не дается Божья Благодать!

Пусть же, Коля, райская околица,
Где ты ныне в славе и любви,
Слышит, как за нас обоих молятся
Все твои «Ночные соловьи»...

Так, прогулки ради, дружбы ради ли,
Ты найди, отмоленный вполне,
Яблоньку, где мамы наши Клавдии
Грезят о тебе и обо мне.

Расскажи про позднее прозрение,
Повинись за общие грехи —
И прочти мое стихотворение
И свои великие стихи...

НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ

Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже —
Я еще воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.

Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной —
К сыновьям своим, к жене,
К нашей кошке беспородной.

И к рассаде, и к цветам,
На окне моем живущим,
И к сияющим листам,
Строчки новые зовущим...

Не вели меня казнить —
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!

Что — пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний, —

Чтоб не ядом напитать,
Не отмщением, не болью,
Чтоб молитвой отшептать,
Чтоб спасти его любовью...

ЕСТЬ ОБРЯД ОБНОВЛЕНЬЯ

Есть обряд обновления:
Умыться речною водой
Той деревни,
Где бегал купаться — такой молодой!
Говорят: остаются
Бесценного детства следы,
Как в кристалле магическом,
В памяти этой воды.

Я приехал на родину —
Глянуть на дедовский дом,
Я к заветному месту купанья
Пробился с трудом:
Сквозь камыш и кугу,
Свалку мусора и топляка,
И болото мазута.
Куда же ты делась, река?

И куда ты нас дела
В кристалле магическом том,
Где, как юная дева,
Бежишь, вся в песке золотом?..

* * *

Здравствуй, чудо края отчего:
На развилке трех дорог
Вставшие из корня общего
И березка, и дубок!

Смотрят лось и еж с ежатами
Из лесной овражной мглы,
Как влюбленными ужатами
Обнимаются стволы.

И поют синичка с пеночкой,
Не скрывая свой восторг.
И приходят мальчик с девочкой —
Вяжут к ветке лоскуток.

Даже циники, изменники,
Даже пьянь, смиряя брань,
Здесь не смеют резать веники
Для своих бесовских бань, —

И бегущие от ужаса:
Жить в объятиях весь век —
Почему-то ценят мужество
И влюбленных, и калек...

В ЭПОХУ НЕЖНОСТИ

Новостей дырой озоновой
Выжгло душу — еле выжила:
Нет Сережи Белозерова,
Нет Коли Завалишина.

Вместе мы рвались в Поэзию,
Пацаны послевоенные,
Плавя гордости агрессию —
В нежность, в строчки откровенные.

Нам не пели трубы медные,
Но гордиться хватит повода,
Коль страны плоды победные
Утоляют чувство голода.

Да и что нам, небалованным:
Мало той отцовской гордости?
Жить бы музой расцелованным —
Вечно жить в счастливом возрасте!

Но когда стиха соцветие
В мир несешь, из сердца выданным,—
Не мечтай о долголети
И не тешься скорым «Избранным»...

Верю я: в Эпоху Нежности
Бредящий литературою
Следопыт найдет подснежники
Строк, не сгинувших под Тулою,

И поймет, что беспризорная,
Может, нежность бы не выжила —
Без Сережи Белозерова
И без Коли Завалишина...

О ДЫМЕ И ДОМЕ

Вовсе не особенного рода,
День за днем — полжизни напролет
Вечный дым кирпичного завода
Под моими окнами встает.

Был я недоволен им, и даже
Зол порой, что сумраком громад
Застит пасторальные пейзажи
И закаты, что чаруют взгляд.

Для чего мне зыбкие вершины,
Если даль свою не узнаю,
Если в горле от него першило,
Когда ветер в сторону мою?..

Но сегодня я раздумал злиться,
Понял вдруг: нет худа без добра —
Вечный дым зовет меня трудиться
Как его завода мастера...

Под окошком «КРАЗЫ» и прицепы:
Мощный флот строительной реки —
То театра нового концерты,
Школ и вузов первые звонки.

Вон бульдозер, чистящий сугробы,
Чтобы с глиною мешать песок, —
Это — аж до солнца! — небоскребы,
Теремок, не низок — не высок.

Вновь и вновь с железного поддона
Грузится в стальные кузова
Облик удивительного Дома —
Образ всенародного Родства...

И теперь встаю я до рассвета —
Стыдно спать, коль видишь из окна:
Крутится-вращается планета,
Трудится бессонная страна.

Здравствуй дым свершений и прогресса!
Ждут меня у письменной печи
Новых книг тяжелые замесы
И четверостиший кирпичи...

Чжао Хуань

(г. Наньчан, Китайская Народная Республика)

ВЕСНА

Родился 30 октября 1981 г. в семье рабочего и учительницы в единственном в Китае Городе-герое Наньчане, расположенном в провинции Цзянси на юге страны. После школы окончил в родном городе университет и стал учителем физики в одной из городских школ, где преподавал четыре года. В Тулу приехал в 2005 г., поступил в Тульский госуниверситет на технологический факультет, по окончании которого станет инженером-автомобилистом. Магистр. Поэзией увлекается с детства. Пишет стихи на родном китайском и на русском языках.

Чжао Хуань говорит: «Стихи — это разговор от души. Мне кажется, что у природы мы учимся мудрости, а окружающие нас люди дают нам возможность ее воплощения в жизнь. Так мы обретаем душу свою».

我曾用灵魂深处最温暖的爱给予你
也曾追逐生命的价值放弃爱情
或许我的生命中会留下许多的遗憾和错误
但无论什么都不及我的灵魂中迷失你
使我恐惧……

我曾认真的问过自己
“没有你，我能不能活下去？”
我知道，我能
我能活在这片苍茫的世界
然后寥无痕迹
也许终我一生也无法思量生命的价值和灵魂的梦想
但是如同黑暗中的一点烛光
我清楚
在许许多多的不知和无畏中
我知道我爱你超过世界上任何的生命
我明白我害怕生命里没有你
超过我对世界存在的任何恐惧

.....

紧紧的身体在空气中
弥漫着寂寞的血液
无奈的孤独在期间流淌
只是为了理想
我放弃你 放弃了爱
放弃了我的家乡
也许吧 我依然只让你在我的心中驻留
可是 那又怎样
我该怎样才能带走你的幸福和你的悲伤
你已有了你的王子和你的天堂
而我只配在思念里神伤
我愿意让他折磨我
折磨我100年
够不够?
只为100年后
我能站在你的墓碑前
对你说

ВЕСНА

Ветер не принес пыльцы душистой,—
Облетели цветы...
Кто-то там расплел под вечер косы,
Жду ночной темноты.
Правду говорит одна природа,
Люди лживы насквозь.
Рассказать бы! Но слова потонут
В ливне горестных слез.
В городах весна все хорошеет...
Ах, поплыл бы я вдаль,
Да боюсь, на дно потянет лодку,—
Словно камень, печаль.

ДЕТИ ПРИРОДЫ

Все мы дети природы,
Лежим в колыбели вселенной.
Нам не нужны войны,
Людям обыкновенным.
Все мы полны любовью,
Любим душою чистой.
Нам не нужны войны,
Мы против войн и убийства!

Все мы дети природы.
Едем в Россию за дружбой,
Крепкой и нерушимой,
Всем нам такую нужной.
Все любят цветы и неба
Чистый отлив лазурный,
Хотят, чтоб рождались дети
В мире веселом и бурном.

Жить без войны, жить в мире
Без злобы неистребимой,
Без звероподобных скинхедов,
Без крови на лицах любимых!

Все мы дети природы.
Хотим мы любви и дружбы,
Крепкой и нерушимой,
Всему человечеству нужной.

БЕСТОЛКОВЫЙ РАССКАЗ

Облака скитаются,
Но ветер не понимает;
Морской простор бескрайний,
Но песок про него не знает;
Закатов разложение,
Но дождь ничего не смыслит;
Не каждая любовь
приносит к счастье.

Пальцы скучают,
Но сигареты не понимают;
Горит сухое горло,
Но вина о том не знают;
Взгляд исполнен печали,
Но слезы его не вымоют;
Не каждая душа
весной ликует.

Наша жизнь — сновидений рой;
Из сна одного переходим в другой:
От сна о сне,
Ко сну о пробуждении.
От сна о жизни,
Ко сну о смерти.
У каждого
бывает меланхолия.

От редакции: Перевод с китайского стихотворения «После того, когда ты ушла»
см. на стр. 123 этого номера журнала.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПЕРЕВОДЫ

Родился в 1954 году в г. Скопине Рязанской области. С 1960 г. живет в Туле. Учился в 14-й тульской школе, затем в 1977 г. окончил факультет иностранных языков Тульского государственного пединститута им. Л. Н. Толстого, где увлекся стихотворными переводами. Пишет стихи, занимается редакторской деятельностью.

Переводы с английского

Джон Мейзфилд

МОРСКАЯ ЛИХОРАДКА

Я должен снова уйти в моря,
В пустынное царство воды.
И все, что мне надо,— большой корабль
И свет путеводной звезды;
 И паруса трепет, и песня ветров,
 И чтоб был надежен штурвал,
 Чтоб серый туман над гладью морской,
 Чтоб серый рассвет вставал.

Я должен снова уйти в моря,
В дорогу позвал прилив.
И зов этот ясен, и дик этот зов,
Могу ли отвергнуть призыв?
 И все, что мне надо,— ветреный день,
 Лазурь с облаков белизной;
 И прямо в лицо водяная пыль,
 Крик чайки над пенной волной.

Я должен снова уйти в моря,
Где жизнью бродяги живешь,
Дорогою чаек, дорогой китов,
Где ветер, как острый нож.
 И все, что мне надо,— язык без костей —
 Товарищ веселый, лихой;
 И крепкий сон, и сладкие сны,
 Когда после вахты отбой.

Роберт Льюис Стивенсон

ГОРОД ИЗ КУБИКОВ

Что б я построить из кубиков мог?
Крепости, храмы, дворец или док.
Пусть за окном серый дождик пошел,
Дома я строю, и мне хорошо!
Горы — диван, морем будет ковер.
Город воздвигну у моря и гор!
Мельница, церковь, дворец в стороне,
В гавани судно стоит на волне.
Чуден дворец, обнесенный стеной!
Купол ему я приделал большой;
К берегу моря ступеньки ведут,
Там корабли по заливу плывут.
Этот плывет, тот причалить готов,
Вслушайтесь в песню лихих моряков!
А на ступеньках дворца — короли:
Видно, с подарками в гости пришли!
Вот и конец наступает игре!
Кубики я разбросал на ковре.
Кубик за кубиком лег на ковер.
Где теперь город у моря и гор?
Снова, как прежде, от дома вдали
Вижу я церковь, дворец, корабли...
Сколько б ни жил я, и где б мне ни жить,
Тот город из кубиков мне не забыть.

ОДИНОКАЯ ЧАЙКА

Покинув грохочущий берег,
Где рыбу она добывает,
Зачем над далеким садом
Чайка морская летает?

Нет для нее здесь рыбы:
Здесь поле, а в поле пшеница;
Здесь кроны листвой что-то шепчут.
Домой возвращайся, птица!

Хрустальны речные воды
Среди тростника и кустов;
Это приют не для чайки,
А для ворон и дроздов.

Жалко заблудшую птицу!
Жаль моряка на суше!
Пусть в океан он вернется,
Там пусть останется лучше!

Над морем и скалами с криком
Прносятся белые стаи;
Здесь, где вороны и розы,
Зачем эта чайка летает?

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Веселей дуди в гребенку!
Мы идем в поход!
Вилли заломил шапчонку,
Джонни в бубен бьет.

Мэри Джейн за командира,
Питер позади;
Каждый гренадер, задира,
Мужество в груди!

В ногу, друзья, победа с нами,
Грозен марш-бросок;
А на палке вьется знамя —
Носовой платок!

Полководец Джейн, довольню,
Славный кончен бой!
За селом команда «вольню»,
И айда домой!

ДОЖДЬ

Куда ни глянь — повсюду дождь:
Над лесом, на полях.
Зонты он поливает здесь,
А корабли — в морях.

Перевод с китайского

Чжао Хуань

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЫ УШЛА

Горячую любовь к тебе питаю
Там, в самой глубине души моей,
От этой же любви я отрекался,
Чтоб жизни смысл постичь и обрести.
Отчаянье и горечь сожалений
Теперь мои попутчики земные.
Но было бы страшнее во сто крат
Тебя из глубины души исторгнуть.

Я спрашиваю часто сам себя:
«А без нее мне дальше жить возможно ль?»
На безграничном жизненном пространстве,
Скитаясь пилигримом вширь и вдаль,
Я вряд ли обрету мечту заветней,
Смогу себе представить выше смысл
И выше этой жизненную ценность.
Как некий слабый луч во тьме кромешной,
Что светит путеводною звездой,
Прозрение: тебя люблю я больше,
Чем существо любое в этом мире,
И страх тебя утратить навсегда
Сильней, чем страх чего-то испугаться.

Замедленно струится в жилах кровь,
Уходит жизнь из молодого тела.
В печально-одиноким прозябанье
Бессмысленность, бесплодные мечты...
Я потерял твою любовь, отчизну,
Но чувствую: ты все ж в душе моей.
Как покушусь я на чужое счастье?
Теперь свой принц, свой рай есть у тебя,
А я — я стал безбрежною печалью,
Терзанием пожизненным я стал.
Довольно ли ста лет таких терзаний
Лишь для того, чтоб через сотню лет
Я стал перед твоей могилой скорбной
И прошептал: «Я так тебя люблю,
Как только человек любить умеет...»

Прим. редакции: Подлинник стихотворения Чжао Хуаня «После того, как ты ушла» см. на стр. 118 этого номера журнала.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ДУЭЛЬ

Наши постоянный автор (см. «ПЗ» № 1, 2009). Автор так представляет себе творческое кредо поэта: «Я убеждена,— если б не было на свете страданий, не случилось бы и поэзии. Боль друг другу часто создают люди, и это уже лишнее. Абсурдно, как в известном фильме «Титаник», когда один герой бежит за другим с револьвером по гибнущему кораблю. Несмотря ни на какие установленные правила социума, всеобщий действующий принцип жизни у нас — завидовать счастливому, злорадоваться несчастному. Мы не любим также, когда кто-то говорит об этом вслух, и я предвижу множество сердитых оппонентов. Не нужно волноваться,— конечно, у меня нет сомнений, что время от времени каждый из нас делает ближнему добро, чаще — маленькое, но заметное, особенно разомлевшему от удовольствия благодетелю. Впрочем, наше несовершенство служит замечательным удобрением цветущему саду поэтического слова».

ДУЭЛЬ

Пушкину и Лермонтову

Есть реальность живая
Во времени где-то.
В ней Поэт убивает
Убийцу Поэта.

В ней фатальных известий
Друзья не услышат,
Дождь от горя и мести
Не рухнет на крыши.

Но стихийные силы
Корежат мне душу,
Будто что-то случилось,
Все снова нарушив.

Если б — третья реальность,
Где выжили оба,
И голодной осталась
Вселенская злоба!

РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Я слово не сорву зеленым.
Оно растёт, и в тишине
Ему цвести и зреть во мне,
И стать плодом запечатленным.

Иль, как из глины, увлеченно
Леплю слова друг к другу я.
В горниле сердца, среди огня
Им быть,— и выйти озаренным.

И, может, я разгоряченно
Кую, как яростный кузнец
Из искрой брызжущих колец,—
Стальную цепь из слов каленых...

НЕЖНЫЙ СОНЕТ

Любви моей невысказанный дар,—
Он для тебя, как свет звезды далекой.
Печаль моя пребудет одинокой,
Моих ты скромных не заметил чар.

Мне не познать загадку бытия,
Не ощутить любви метаморфозы.
Страстей высоких радостные грозы
Не разразятся там, где буду я.

Какая нежность в ласковых словах,
Что умирают запертыми в сердце,
Родятся вновь и мне дают согреться,
И не прольются в радостных слезах.

Виню себя за нелюбовь твою.
Горчит мой хмель, хоть я его не пью.

* * *

Смелела осень, уходя,
Ее характер был неистов.
Пруд шевелился от дождя,
Качая зябнущие листья.

И как похожа, вижу я,
Душ человеческих погода
На ту стихию бытия,
В которой мается природа.

ДОСУЖИЙ МОНОЛОГ

Недолго было мне смешно
Гулять по свету.
Жизнь опьяняла, как вино...
(Эй, что-то мне — не то...)
Дай сигарету.

Я не послушала свою
Родную мать...
Ух, погоди, я докурю...
(И зябко ж мне в манто!..)
Не плюй на скатерть!

Она сказала: — Далеко
Не ездь, дочка...
А я — живу теперь легко...
(Слышь, — колокольный звон?..)
Но ей — ни строчки.

Не знаю я, жива ль она,
Как слезы точит...
Плесни вина, — на мне вина...
(Донесся слабый стон:
«Сколь стоишь, дочерь?»)

* * *

Неоригинально быть несчастным.
Быть счастливым — это ли не чудо?
Мы ни в чем с Фортуной не согласны,
Оттого, пожалуй, нам и худо.

ЦВЕТОК

Кто-то — утром, наверно, ранним,
Чтоб за то не судил никто,
Вынес из дому цвет герани
И покинул — вдруг — под кустом.

Осень ветром дворы студила,
И сигналил вовсю цветок
О хозяевах нерадивых,
Красный выпучив хохолок.

Тот отчаянный зов соцветий
В душу чью-то проник тоской...
Удивилась, — как чудо встретив,
Полюбила, взяла с собой.

* * *

Угости молоком тишины,
Дорогая сударушка осень.
Как туманы в низине бледны...
Все спокойно, лишь ветер несносен.

Он крадется за мной по пятам,
Надоедливо студит и треплет,
Рассержусь — зашуршит по кустам,
Отвернусь — дунет пылью, как пеплом.

Помолчать я к тебе прихожу,
Поглядеть на твои сувениры,
Вот ползет сонно-пьяненький жук
С опозданием — до зимней квартиры.

Тишина! Только ветер опять
Беспокоит усталость лесную,
И хрустального инея гладь
Уж от солнца не ждет поцелуя.

* * *

Кошки — серьезные граждане мира.
Все-то для них — суета.
Как дорожат они честью мундира,
Гибким зигзагом хвоста!

Выбрали слово себе покороче,
Нудных речей избежав.
Что они ищут в предлунные ночи
В шорохах ветра и трав?

* * *

Я себе придумала сначала
То, что буду счастлива всегда.
Жизнь мне ничего не обещала,
А надежда говорила: — Да.

Не заметив первые потери, —
Подружилась, раздружились, — пусть!
Я надежде продолжаю верить,
Несмотря на прожитую грусть.

И живу я, как Праматерь Ева.
Чаще прах вкушая, а не сок,
Я срываю плод румяный с древа
Без раздумий, впрок или не впрок.

МАЙСКИЙ СОЛОВЕЙ

В конце весны душевней, горячей
Высвистывают песни соловьи,
И есть у них, в прелюдиях ночей,
Свои солисты — гении свои.

В кустах сирени, на краю Москвы
Когда-то жил неведомый солист.
Со страстью пел он в зарослях листвы,
По-нашему,— большой он был артист.

Он запевал позднее остальных,
И птичий хор почтительно стихал,
А может быть, не слышно было их,
Пока гремел неистовый вокал.

Запасу звуков не было конца.
Они как будто поднимались ввысь.
Казалось, что в созвездии Тельца
От этих звуков звезды родились.

Александр Новгородский*
(г. Тула)

БАЛЛАДА О ТИШИНЕ

Среди бесплодных дней, бесславных
Пустой, ненужной суеты
Явилась мне, как друг желанный,
Людьми покинутая ты.

Издревле взрослые, что дети,
Играют сызмальства в войну.
Забыв бесценную на свете
Сестру покоя — тишину.

Поскольку с нею мы зависли
В пространстве, вроде пустоты,
Я ей родня, в известном смысле,
Нам правомерно быть на «ты».

Ты разная. У рек разливов
Сурова, что волны набег.
И настороженно пуглива,
Как на асфальте ранний снег.

Но под твоим же зорким оком
Земля и небо на весах.
В тебе и будущего рокот,
И дней минувших голоса.

Ты встарь, не много и не мало,
Стада встречала по росе.
И беды с нами бедовала,
И с песней привечала сев.

Была поэту верной музой,
И зодчим в храме на лесах.
В краях степных пасла арбузы
И живность стерегла в лесах.

* К 75-летию со дня рождения; иллюстрации автора.

В години смут крепчала дланью.
В тебе — великих предков зов.
Броней была, звенела сталью,
И памятью у образов.

Ответь, мудрейшая, как другу,
Чем славен нынче оком?
Под вой сирен, под вопли вьюги
Куда идем, куда плывем?..

Что ж ты молчишь? И что тут скажешь?
Ты тишина, ты горний дух.
Худое слово ранит слух,
Ну, а хорошее — в пропаже...

Надежды в прошлом островки,
Мы на разболтанном пароме.
Не в духе века, чудачки,
И никого в округе кроме.

Питомцы призрачной удачи,
Мы отыграли в поддавки.
И ничего уже не значит
Скрипящий трос над тьмой реки.

Иль кошек черных стало много,
Или запахло гарью в снах?
К покою бранную дорогу
Давно обходит тишина.

Сдается, с нами некто важный
Играет картой козырной.
Змеится голубок бумажный
Над Богом избранной страной.

ОСЕННЯЯ МОЗАИКА ДОРОГ

Обочь дороги волглая трава.
Вздымая листья в поредевших кронах
Осенний ветер обнажает деревья
Привычно, по своим законам.

Случается, подделку ставят в ряд
С искусства обесцененным товаром.
А вот обычный нынче листопад
Нам обращает в сказку тротуары.

Летят листья в небытие, в безвестность.
К ковру листвы другая льнет листва —
Красы обворожительная щедрость —
Речистая безмолвная молва.

В цветном мерцании все улицы окрест.
Роняют липы золотые шали.
Здесь все воочию, как есть —
И праздник, и мозаика печали.

Я тот же лист. Хозяин, властный ветер,
Пока меня обходит стороной.
А сколько нам подобных на планете
Под чьей то грубой стелятся ногой!

По ним, листкам, легко ступают дети.
Их мимоходом прокопытит конь.
Все нипочем! Они отдали Лете
И песни, и прощальный свой огонь.

Осенняя мозаика дорог.
Сорвавшись, лист в подлеске крутит сальто.
А что же я такого сделать смог,
Чтоб стать вослед хотя б с кусочком смальты.

ВО ГРУСТИ

Стал тот туннель вконец заужен,
Иль заплутал заветный свет?
Но ходит, вроде бы простужен,
Вполне здоровый мой сосед.

Я с теми, кто гордится Русью,
И против тех, кто сеет муть.
Но все-таки смотрю во грусти
На наш особый русский путь.

Как будто мы умом не тленны,
Да и в коленках не слабы,
Но почему-то те же стены
Нам сокрушают наши лбы.

Лягушка не опасна цапле.
Я ж одного теперь боюсь:
Сто раз ступлю на энти грабли,
А на сто первый — рассмеюсь...

Я по рождению и вере —
Кочевник духа и степняк.
Мой путь аршином не измерить,
Как ни крути, выходит так.

ВСЕ С ВИДУ, ВРОДЕ БЫ, КУЛЬТУРНО

Вставать чуть свет — себе не в радость,
Но я породой не из сов,
И часто вижу, что не надо
На лицах сонных городов.

Встречаю спящие фонтаны,
С войной афиш заезжих звезд.
В витринах — выставки диванов,
Вдоль — лес реклам в гигантский рост.

А вот подъезд. Видать, солидный.
Решетки, ручки — в вензелях.
Знать по всему, хозяин видный,
Не исключаю, при делах.

Все с виду, вроде бы, культурно.
Метла с окурками в борьбе.
Жаль во грусти — пустая урна
От невнимания к себе.

Все с виду, вроде бы, культурно.
И не по теме вывод мой:
Летят окурки мимо урны
И захламляют шар земной.

ВОРОБЕЙ

Не обладая ярким ликом,
В стране элиты гнезд не вью.
Крылом не обольщаясь Ники,
В кремлях концерты не даю.

Знать, из строптивых, малолеткой
Случалось, получал поддых
За то, что не прижился в клетках,
В покоях, даже золотых.

Не выставлюсь напоказ.
Мне ведомо коварство лиры.
Я слышал, у павлина враз
Хвост выдрали на сувениры.

Я не слышу певцом столичным.
Чирикаю, но от души.
И дорожа престижем личным
Безмерно рад, что просто жив.

Не продаемся мы поштучно,
И болтовней порой грешны.
Но согласитесь, было б скучно
Без воробьиной щебетни.

* * *

На пальце перстень, шляпа, трость,
Весь из духов и мыла.
Он в литкружке не просто гость,
Он в нем его светило.

Сплеча черкнет вам мадригал,
Сплетет венки сонетов.
Он пять романов накропал
Про Это и Не Это.

С известным обществом сам-друг,
На всяких именинах.
Гундявит по бумажке вслух
Под водку с бужениной.

Он даст советы новичку,
Сражая шеей бычьей.
Всегда бывает начеку,
Чтоб не зевнуть добычу.

Он по Есенину всплакнет,
Слизнув у друга строчку.
Он этим дышит и живет
И ходит по шнурочку.

Он знает с кем и сколько пить,
Проныра и пролаза.
Поэтом может он не быть,
А кем — поймешь не сразу.

Николай Боев
(г. Узловая)

Николай Боев родился в с. Шукавка Воронежской области. После сельской семилетки учился в ремесленном училище, в вечерней школе, техникуме, окончил МГУ им. М. Ломоносова и Высшую партийную школу.

Пятнадцать лет работал на узловском машиностроительном заводе, пройдя путь от слесаря-сборщика до заместителя начальника крупного цеха. Был журналистом газеты и радио, работал социологом НИИ, преподавателем и зам. директора техникума. Восемнадцать лет преподавал гуманитарные науки на вечернем отделении Тульского политехнического института. Работал лесорубом в Сибири, строителем на Севере и в Средней полосе России. Он автор многочисленных книг поэзии и прозы, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого и многих других. В 2008 году удостоен звания лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СУДЬБА ПОЭТА

*...Барьер. Наемный пистолет
Безродного космополита*

К. Симонов

1

Поэт всегда огнеопасен...
Когда на трон взойдет злодей,
Поэту путь предельно ясен:
«Глаголом жечь сердца людей».

А мы живем в стране изгоев,—
В запрете вещи слова,—
Что Пушкин, что ничтожный Боев,—
Для нас не найдены права.

В урочный час все карты биты,—
Поэт не властвует судьбой,—
Встают наемные бандиты
И остаешься сам собой.

У Черной речки дым клубиться,
Припрятан черный пистолет.
К несчастью запоздал родиться
Я, Пушкин, ровно на сто лет...

Как ненавистны всем пришельцам
 Державы мудрые пророки!
 А Пушкин — всей России сердце,
 Ее глубинные истоки.

Не бережет страна пророков,
 Всегда остудой обосенив,
 Проклятья не заслонят строки:
 Где Пушкин, Лермонтов, Есенин?

Что стало с сотнями поэтов
 Убитых, умерших в изгнание?
 Их жизнь — страшнее пистолетов,
 Но все сегодня вместе с нами!

Страна испытывает стрессы,
 В задумчивости ждет мессию.
 Но, целясь в Пушкина, дантесы
 В прицеле видели Россию.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВА

Ах, Коля, Коля — друг мой милый,
 Ну что свело нас, что свело?
 Входило время в нас могилой,
 У каждого свое село.

Мы песни пели, водку пили,
 Читали новые стихи,
 И, в общем-то, как люди жили,
 Не громки, но и не тихи.

А жизнь жестока и сурова,
 Судьба рванула удила.
 Позвал нас голос Старшинова,
 Точнее смерть его звала.

Не мог ты вымолвить и слова,
 Не выходил из горла слог.
 Ты бормотал и плакал снова,
 Я утешал тебя, как мог.

Учителю твердил ты клятву,
 Ты чтил его, как чтут отца.
 А время собирало жатву
 Смертей и нету им конца.

Опять выкашивают поле
 Поэзии — прощай страна.

Вот и пришел к тебе я, Коля,
Пришел испить тоску до дна.

Стою печально на погосте:
Прости меня, прости меня.
А время забивает гвозди
В меня, твоей строфой звеня:

«В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны».

РУСЬ МОЯ...

Русь моя — жена моя!

А. Блок

*Светлая, как невеста,
Родина ты моя...*

Н. Боев (1970)

Русь моя — моя отчизна,
Как там, классик, не крути,
Я Руси обязан жизнью,
С ней мне всюду по пути.
Вне Руси мне нету места:
Хлеб — один, судьба — одна,—
Ну какая там невеста,
Ну какая там жена?!
Пра-прадед, отец и брат мой
Все в земле от рук врага,
Им в раю открыты врата,
Русь их дело сберегла.
Этих истин что дороже
В мире зла, тревог, забот?
«...Тьмы и тьмы » на бездорожье
Погибают каждый год,
Защищая, сберегая всюду Родины исток,
Русь моя — моя родная Мать.
Вот так и не иначе, Блок...

ЯВЛЕНИЕ

Мне голос был...

А. Ахматова

«Мне голос был...» проникнуть в суть России,
Пройти ее с конца и до конца,
Глубинно пролистать века седые,
Чтоб воскресить все судьбы и сердца

Седых дружин и мальчиков Кавказа,
Погибших может даже в этот миг
В отрядах обреченного спецназа
От пуль чужих, а может, и своих.

Я ставил свечи памяти всех павших,
Да во спасенье душ еще живых.
И шли, и шли ко мне дружины наших
Далеких предков в латах боевых.

Мы улыбались радостным поклонам,
Мы обнимались крепко по-мужски.
А вот ОМОН рассеялся по склонам
Всей вере православной вопреки.

К нему пошел, платком давая знаки,
Что свой, что с чистой совестью иду,
Но из кустов ударили вояки,
От глупости приказчиков в бреду.

Я пошатнулся — ангелы прикрыли
И в сторону угрозу отвели,
Святые крылья даже опалили
И воспарили от грехов земли...

Всплакнули боги наших древних предков,
Творя молитвы от слепых угроз.
Я задыхался в зарослях сурепки
И вдруг передо мной возник Христос.

РУССКОЕ СЛОВО

Как бы ни было время сурово,
Как бы Русь ни теряла свой след,
С нами вечное русское слово
И страна — та, что вроде бы нет.
Задохнусь от просторов весенних,
От ее светозарных имен:
Пушкин, Лермонтов, Блок и Есенин
С четырех подступают сторон.
Застесняюсь, молюсь, преклоняюсь,
Зарываясь в руду с головой,
Раскопаю ту самую малость
Слово русское...

Ирина Самоцветова
(г. Алексин)

Поэтом себя не считаю, думаю, это хобби. Потому что настоящая поэзия — удел профессионалов. Все остальное — стихоплетство, увлечение, «проба пера». В каждом стихотворении должна быть глубокая мысль, заставляющая читателя думать. «Что вижу, о том пишу» — это не поэзия. Надо иметь поэтический дар или не писать вообще. Знаю по себе — пишется тогда, когда внутри чувствуешь «полет», когда стихи идут из «космоса души». Словом, когда посещает вдохновение. О себе говорить не люблю, как, впрочем, и фотографироваться, поэтому очень коротко. Печаталась в журнале «Воспитание школьника» (2004 г.), в сборниках-альманахах «НЛО» и «АЛЛО» (2007 г.), в местных газетах родного города. Отдельного сборника не выпускала — не хватает смелости, решительности, потому что не считаю свои стихи совершенными. Но потребность в самореализации есть. В моих стихах — моя душа.

* * *

Я не задумывалась раньше,
Люблю ли город свой родной.
Боялась вдруг признаться в фальши
И быть неискренней с собой.
И лишь в разлуке пребывая
С родимым городом своим
И по ночам о нем вздыхая,
Я поняла, что он любим.
Мне снились рощи золотые,
Поляны с ягодой лесной,
И незабудки голубые,
Закат и звезды над рекой.
Там на чужбине я скучала
По нашим улочкам кривым
Да в тишине порой мечтала
Вернуться вновь к друзьям своим.
Я вспоминала дом свой отчий
И храм Успенский над Окой.
Какой ваятель или зодчий
Воздвиг здесь памятник такой.
Пусть есть места светлей и краше,
Чем наш старинный городок.
Кто восхищался бором нашим,

Тот позабыть его не смог...
Я поняла, что нет роднее
И ближе места у меня.
Мне здесь надежней и теплее.
Алексин — родина моя.

* * *

Чистый источник живой,
Кладезь земного творенья!
Ты Евфросиньей святой
Нам был открыт во спасенье.
Ты исцеляешь людей,
Лечишь и тело, и душу.
Славной водою своей
Хворь и недуги затушишь.
В зной и в жару охладишь,
В лютый мороз ты согреешь.
Чудо свое сотворишь —
Боль и тоску нам развеешь.
Я припадаю к тебе,
Нежно касаясь губами,
И в своей тихой мольбе
Радость делю со слезами.
Светлый источник живой —
Вера в добро и спасенье.
Здесь Евфросинье святой
Я приношу поклоненье.

НА АФОРИЗМ ТЮТЧЕВА

Когда приходит время расставаться,
Я вспоминаю Тютчева слова.
Себя я заставляю улыбаться,
А слезы застилают мне глаза.

«В разлуке есть высокое значение»...
Я понимаю разумом слова,
А сердце не приемлет утверждение,
Оно в пылу, но стынет голова.

Себя одной я мыслью успокою,
Что будет Бог к нам милостив, и вновь
Тебя увижу, лишь глаза открою.
И будешь ты со мной, моя любовь.

Разлук я не боюсь. В них закаляю
Свою любовь, « как закалялась сталь».
Но жизнь так коротка, и я страдаю,
Теряя время без тебя. Мне жаль!

Мне жаль те дни, что без тебя проходят.
Возможно, в них своя есть красота.
Но почему-то в эти дни уходит
Из сердца радость. И душа пуста...

«Высокое значение» в разлуке
Я вижу в том, чтоб сердцу не остыть.
Все пережить — страдания и муки.
С любовью и в разлуке надо жить.

* * *

Любовь ко мне приходит чаще осенью.
Приносит радость, грусть и вдохновение.
А молодость моя уже вся с проседью.
И божьего прошу благословения.

Продли мне срок земного пребывания,
Еще не все я в этой жизни сделала.
Еще полна любви и сострадания
И тайны бытия не все извела.

Осенняя любовь бывает с горечью,
Как ягоды рябины с терпким привкусом.
И оттого, быть может, вдохновение
Боюсь я потерять, а сердце — Истину.

* * *

Ко мне ночью раз Смерть приходила,
А зачем, я ее не спросила.
И она ничего не сказала,
Только молча с улыбкой стояла.
Я Молитву в испуге шептала,
А она все стояла, стояла...
Я не знаю, как долго все длилось,
Снилось это мне или не снилось.
И душа из груди вырывалась,
Только с Жизнью она не прощалась...
Мой Хранитель Небесный спустился,
И кошмар этот в миг прекратился...

Утром сонник открыла в тревоге —
Видеть Смерть — это к дальней дороге.
Будет жизнь моя долгой. Я знаю.
Пред злодейкой я дверь закрываю.

Валентина Никитина
(г. Тула)

ПАМЯТЬ ПОМНИТ ЛУГ ЗЕЛЕНЬЙ

* * *

Память помнит луг зеленый,
Пару лошадей гнедых.
Взгляд печальный, опаленный
Двух мужчин немолодых.

Самокрутки закурили,
Вспомнив давние года.
На каких фронтах служили
Были ранены когда.

А рубашки поистлели
На веселых добряках:
Шрамы на груди пестрели...
И мозоли на руках.

Дома хлебушка краюшка
Лук зеленый да свекла,
Плохо крытая избушка;
Печь, что пироги пекла.

Но они не горевали,—
Рядом воля, лес, река,
Звонко песни распевали
Да плясали трепака!

И страдали, и влюблялись
Горькой доле вопреки;
Ливнем, снегом восхищались,
Звезд считали у реки...

Они по-своему любили
Умели честью дорожить,
И верно Родине служили,
Готовы жизни положить.

Пред ними голову склоняю,
Пред ними падаю я ниц;
Душой и сердцем вспоминаю
Прекрасный образ этих лиц!

Минула грозных войн стихия,
Так будем же достойно жить!
Живет и здравствует Россия!
Ей будем, как они, служить!

* * *

Опять раздумья и тревога.
Приснился снова Отчий дом,
Травой заросшая дорога,
Герань, цветущая кустом.

А у крылечного порога,
Под кронами цветущих лип,
На длинной лавке, как пирога,
Сидел мой старый друг Филипп!

Лихие кудри поседели,
В глазах застывшая слеза...
Загадочно шептались ели...
Он вспомнил юность: «Егоза!...»

Моя душа судьбой ведома,
Капризам жизни вопреки,
Остановилась я у дома,
Чтоб встретить утро у реки.

Душа на родину вернулась,
И отошла печаль моя:
К березке с кленом прикоснулась,—
Все стало на круги своя.

По небу солнце расплескалось.
Строкой промчались облака.
Мне ничего не оставалось,
И прошептала я: «Пока!»

Ну что ж, пока, до новой встречи,
Когда за праздничным столом
Зажжем торжественные свечи,
За здоровье души споем!

